

ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Научная статья

УДК 343.812.,19"/,20"

doi: 10.33463/2687-122X.2024.19(1-4).4.566-573

АРЕСТАНТСКАЯ ОБЩИНА В ТЮРЬМЕ И ССЫЛКЕ КАК ПРЕДВЕСТНИК ЗАРОЖДЕНИЯ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В РОССИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ИССЛЕДОВАНИЙ Н. М. ЯДРИНЦЕВА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА)

Юрий Владимирович Хармаев^{1,2}

¹ ФКУ НИИ ФСИН России, г. Москва, Россия, kharmaev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9399-0768>

² Университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

Аннотация. В статье анализируется известное исследование Н. М. Ядринцева на предмет аналогии уголовно-правовой и пенитенциарной характеристики арестантской общины в тюрьме и ссылке XIX столетия с элементами организованной преступности в современной России. Отмеченная в исследовании Н. М. Ядринцева характеристика каторжанской среды обладает признаками, свойственными современной криминальной субкультуре, несмотря на то что с момента опубликования работы прошло более 150 лет. Возникновение и становление криминальной субкультуры как элемента организованной преступности невозможно рассмотреть без связи со ссылкой и каторгой как одного из основных видов наказаний в Российской империи в XIX веке.

Ключевые слова: осужденные, арестанты, ссылка, каторга, община, «понятия», тюремная администрация, организованная преступность

Для цитирования

Хармаев Ю. В. Арестантская община в тюрьме и ссылке как предвестник зарождения организованной преступности в России (по материалам исследований Н. М. Ядринцева XIX – начала XX века) // Уголовно-исполнительное право. 2024. Т. 19(1–4), № 4. С. 566–573. DOI: 10.33463/2687-122X.2024.19(1-4).4.566-573.

PENAL ACTIVITY: HISTORICAL ASPECTS

Original article

THE CONVICT COMMUNITY IN PRISON AND EXILE AS A HARBINGER OF THE EMERGENCE OF ORGANIZED CRIME IN RUSSIA (BASED ON RESEARCH BY N. M. YADRINTSEV OF THE XIX – EARLY XX CENTURY)

Yuri Vladimirovich Kharmaev^{1,2}

¹ Federal State Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia, kharmaev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9399-0768>

² Kutafin Moscow Law University (MSAL), Moscow, Russia

Abstract. The article analyzes the well-known research of N. M. Yadrintsev on the subject of the analogy of the criminal law and penitentiary characteristics of the “prisoner community” in prison and exile of the 19th century, as an element of the emergence of organized crime in modern Russia. The author points out that the characteristic of the convict environment noted in the study by N. M. Yadrintsev has signs characteristic of the modern criminal subculture, despite the fact that more than 150 years have passed since the publication of the work. The emergence and development of the criminal subculture, as an element of organized crime, cannot be considered without connection with exile and hard labor, as one of the main types of punishment in the Russian Empire in the 19th century.

Keywords: convicts, prisoners, exile, penal servitude, community, «criminal concepts», prison administration, organized crime

For citation

Kharmaev, Yu. V. 2024, ‘The convict community in prison and exile as a harbinger of the emergence of organized crime in Russia (based on research by N. M. Yadrintsev of the XIX – early XX century)’, *Penal law*, vol. 19(1–4), iss. 4, pp. 566–573, doi: 10.33463/2687-122X.2024.19(1-4).4.566-573.

Официальное признание в стране организованной преступности приходится на 1989 год, когда на Съезде народных депутатов Верховного Совета СССР было принято знаменитое постановление¹, провозгласившее наличие в нашем государстве такого негативного явления и определившее необходимые первоначальные меры по нейтрализации и минимизации ее преступных последствий.

Вполне понятно, что на фоне существовавшей тогда советской криминологической доктрины о «временном характере» преступности в странах социализма признание

---

¹ См.: Об усилении борьбы с организованной преступностью : постановление Съезда народных депутатов СССР от 23 декабря 1989 г. № 976-1 // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета СССР. 1989. № 29. Ст. 576.

ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

и наличие факта очевидности организованной преступности в государстве проходило тяжело и неохотно. Однако объективная реальность, статистика и практика борьбы с преступностью неумолимо показывали обратную картину. Все перечисленное заставляло органы власти признать на самом высоком уровне проблему организованной преступности, которая реально стала угрожать безопасности государства, и в правовом поле определить стратегические направления противодействия указанным криминальным угрозам.

Нередко для объяснения и анализа современных проблем, связанных с преступностью, не следует сбрасывать со счетов имеющийся обширный исторический отечественный и зарубежный опыт. Возникает необходимость правильно и адекватно провести исторические параллели, кропотливо на научной основе проанализировать имеющиеся труды известных правоведов и специалистов по отмеченной проблематике.

Внимательное изучение и оценка исследований трудов современников (ученых, правоведов, писателей и т. д.) показывает, что сама обстановка, быт и взаимоотношения между «сидельцами» в тюремных учреждениях Российской империи определили и сформировали своеобразные «понятия», «обычаи», «правила» и «традиции», характерные только для них [1, с. 143]. Установившиеся тогда порядки, как мы видим, постепенно перетекли в уклад и образ жизни обитателей мест лишения свободы и в последующие исторические эпохи, включая современное бытие «арестантов» XXI столетия.

Исследователи и писатели профессионально обрисовали состояние дел, быт и правовое положение уголовных преступников, отбывавших наказания в западно-сибирских централах Тобольска и Перми, в огромных столичных тюрьмах (Москва, Санкт-Петербург), а также на отдаленных каторгах и рудниках забайкальской Кары или Акатуя. Подтверждением этому служит ряд работ известных авторов: «Записки из Мертвого дома» Ф. М. Достоевского, «Острог и жизнь» Н. М. Соколовского, двухтомник «Сибирь и каторга» о забайкальской каторге С. В. Максимова, очерки о литовском замке в «Петербургских трущобах» В. В. Крестовского, «чижовки», «кутузки», гауптвахты, описанные В. А. Гиляровским в книге «Москва и москвичи», и др. [2–5].

Представителей передовой интеллигенции привлекала не только «каторжная» тематика, но и острые общественные вопросы, лежащие в контексте гуманизации государственной политики в области реализации уголовных наказаний в эпоху реформ во второй половине XIX столетия. Логически в один ряд становятся и те исследования, которые посвящены ссылке и каторге, их усовершенствованию, модернизации или полной отмене последних.

Действительно, во второй половине XIX столетия остро встал вопрос о дальнейшем существовании, значительной трансформации или полной ликвидации ссылки и каторги как вида уголовного наказания. Авторитетные российские ученые-правоведы, такие как Н. Н. Полянский, В. В. Есипов, Н. С. Таганцев и др., ратовали за оставление ссылки и каторги в качестве уголовных наказаний, считая незначительной и несущественной критикой в адрес штрафной колонизации [6]. Причина неудовлетворительных результатов внедрения ссылки и каторги, по мнению указанных авторов, кроется в ошибках, допущенных уполномоченными органами вследствие реализации этого перечня наказаний на местах. Положительное решение этой проблемы они видели в совершенствовании и модернизации ссылки и каторги.

Большинство юристов, а также известных общественных деятелей, писателей, представителей передовой интеллигенции были яркими противниками оставления

ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

ссылки и каторги в системе уголовных наказаний в законодательстве Российской империи. Н. М. Ядринцев, Д. А. Дриль, И. Я. Фойницкий, Ф. М. Достоевский, А. П. Чехов, С. В. Максимов внятно и аргументированно доказывали и констатировали, в чем состоит опасность для общества и государства дальнейшей реализации указанных видов уголовных наказаний [1, 2, 4, 7–10].

Следует отметить, что аналогичный спор не только неоднократно возникал среди научного сообщества в Российском государстве, но и становился предметом оживленного обсуждения и полемики на международных пенитенциарных конгрессах (в Лондоне (1872), Стокгольме (1878), Риме (1885), Петербурге (1890), Париже (1895) и т. д.). На международной арене горячими сторонниками ссылки и штрафной колонизации выступали представители французского научного сообщества. В подтверждение достоинств ссылки они отмечали низкий процент рецидива, а также преимущественное применение ее к определенной категории осужденных: 1) для особо опасных преступников, осуждаемых на длительные сроки; 2) для профессиональных преступников; 3) для закоренелых рецидивистов [11, с. 3].

Н. М. Ядринцев, являясь исследователем пенитенциарных проблем, более подробно останавливается на особенностях реализации и применения уголовных наказаний в виде ссылки и каторги в отношении преступников, совершивших особо тяжкие преступления. Анализ автора арестантской общины каторжанской среды позволяет нам увидеть много общего с характеристикой современной преступности, в том числе организованной.

Современное криминологическое определение организованной преступности отражено как в трудах известных криминологов, так и в международных и отечественных нормативно-правовых актах (конвенции, постановления, статьи в Уголовном кодексе РФ и т. д.). Сегодняшнее определение и классификация организованной преступности обязывает нас окунуться в исторические аспекты возникновения данного явления, рассмотреть особенности ее детерминации, причины возникновения, специфику личности участника организованного преступного формирования.

В своем фундаментальном исследовании Н. М. Ядринцев [1] остановился на основных факторах возникновения арестантской общины. Прошло более 150 лет после опубликования указанного исследования, но насколько же злободневной и знакомой выглядит характеристика арестантской среды, а также описание лиц, содержащихся в условиях изоляции того периода.

Нравы, обычаи, традиции каторжанского контингента развивались на фоне длительного, постоянного и опасного противодействия администрации пенитенциарных учреждений. В результате такого противостояния временное объединение ссыльных каторжан превратилось «в организованную общину, которая создала себе самоуправление, свое законодательство, свое хозяйство и развилось в стройные, определенные формы со своеобразным общественным типом» [1, с. 143].

Кроме того, возникновение арестантской общины тесно связано с историческими параллелями, где автор сравнивает новое коллективное образование, которое пропитано духом общинной жизни и является продолжением таких ранее известных для русского народа явлений, как вече, мир, артель, казацкие круги и т. д. [1, с. 144].

Основными распространителями и проводниками идей арестантской общины, первооткрывателями и наставниками тюремной самостоятельности выступали, как правило, каторжные бродяги, беглые ссыльные, арестанты. Уже тогда формы коммуникаций у данного появляющегося пенитенциарного объединения каторжан отличались актив-

ными взаимоотношениями в виде поклонов, посланий, поручений, известий, которые передавались от острога к острогу, от общины к общине [1, с. 144].

Как точно подмечал Н. М. Ядринцев, «таким путем арестантство браталось, дружилось, обменивалось знанием и сливалось в одну общую, солидарную массу по мыслям и чувствам, вырабатывая сознание полного единства арестантской среды на всем пространстве широкой и раздольной русской земли» [1, с. 145].

В острогах, расположенных в европейской части России, Н. М. Ядринцев находит большинство отбывающих там наказания острожников малоопытными, их арестантский союз видится ему довольно слабым, в зачаточном состоянии, и какие-либо проявления общины там кажутся ему несущественными и незначительными.

Совершенно другой оценки удостоиваются остроги в Сибири и Забайкалье, где арестант имеет огромный опыт каторжанской жизни, смел, энергичен, закален длительными сроками заключений, большим количеством побегов. Арестантская община выглядит сильнее и крепче, с отчетливо заметными традициями, выработанными убеждениями, формами взаимоотношений между сидельцами, которые подчинены уже общественным установлениям и органам управления. Как отмечал ученый, такими тюремными учреждениями являлись все сибирские остроги вплоть до Нерчинска в Забайкалье, а также остроги в Перми, Казани, Оренбурге.

Одно из первых упоминаний о «сходке» как форме арестантского самоуправления мы видим на страницах указанного исследования Н. М. Ядринцева. Автор сравнивал собрание острожников по какому-либо общественному делу с арестантским вече, где решение выносилось коллективно по многим вопросам, касающимся повседневной жизни арестанта. Во-первых, коллективно вершился так называемый суд над провинившимся перед обществом арестантов сотоварищем; во-вторых, решались вопросы по поводу сборов на общественные нужды, утверждался бюджет общины, происходил дележ подаваний, устанавливалась такса «входного» для новых членов острога; в-третьих, решался кадровый вопрос по поводу выборов арестантских чиновников – старосты и писаря; в-четвертых, обсуждались хозяйственные вопросы, утверждались налоги для майдана, определялись субсидии палачу и обсуждались взаимоотношения и поведение с начальством.

Как мы видим, арестантская община требует от членов острога «преданности ссыльному братству и арестантскому делу», в то же время от себя гарантирует им спокойствие и свободу занятий, защиту от разных острожных передраг [1, с. 148].

Самая суровая кара ожидает острожника за проявленную измену арестантству, обнаруженный и доказанный донос начальству, вред, причиненный общественным интересам, как изменника и шпиона. Предателя осудят перед лицом общины на «сходке» в виде физического воздействия вплоть до лишения жизни, в зависимости от нанесенного вреда арестантскому сообществу.

Своеобразный налог для вновь прибывших в острог распределялся в зависимости от социального сословия, например, бродяги платили 30 коп., поселенцы из бывших каторжан – 75 коп., крестьяне и мещане – 1 руб. 50 коп., с купцов и дворян брали по 2 и 3 руб. соответственно – в «общий котел» [1, с. 150].

Криминологическая характеристика и признаки современного организованного преступного формирования достаточно полно и подробно описаны в специальной юридической литературе [12–16]. Специфическую деталь характеристики сегодняшней криминальной среды можем почерпнуть из неформальной переписки между представителями

ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

уголовно-преступной среды в форме «прогонов», «маляв», «торпед» и т. д.¹ Своеобразный сленг, форма обращения, кому адресовано данное послание, определенные требования и наставления, а также санкции за невыполнение отмеченных указаний – все это очень напоминает элементы характеристики арестантской общины, удачно описанной более ста лет назад Н. М. Ядринцевым в отмеченном нами выше исследовании.

Приведем некоторые часто встречаемые в нелегальных и запрещенных письмах цитаты, например: «дом наш общий» соответствует любому исправительному учреждению; обращение начинается со слова «арестанты»; важный посыл «серьезно относиться к «дороге»», то есть не допускать утери и перехвата администрацией учреждения «почты»; следующее обращение связано с пополнением «общака» за счет азартных игр – «организовывайте «игру», так как это... способ пополнения и подъема воровского лавэ»; жесткие требования по поводу возникающих споров «если возникают вопросы, то для их разрешения обращайтесь к людям, отвечающим за положение в доме нашем общем» и т. д.

В заключение можно резюмировать, что арестантская община как организованная структура, обладающая самоуправлением, своим примитивным «законодательством», стратификацией (разделением общей массы арестантов на определенные «сословия»), зачаточными органами управления, экономическими рычагами в виде общего «котла» – это своеобразный предвестник становления организованной преступности в советский и постсоветский периоды.

Важной особенностью существования арестантской общины является центральная деталь – взаимоотношения с начальством острогов. Взаимоотношения с руководством и поведение в отношении его представителей строились по принципу от устраивавшего общину компромисса вплоть до подкупа отдельных чиновников администрации тюремных учреждений. И наконец, возникновение и становление криминальной субкультуры как элемента организованной преступности невозможно без рассмотрения и глубокого анализа ссылки и каторги как одного из основных видов наказаний в Российской империи XVIII–XIX столетий.

Список источников

1. Ядринцев Н. М. Русская община в тюрьме и ссылке. СПб., 1872. 719 с.
2. Достоевский Ф. М. Записки из Мертвого дома // Интернет-библиотека Алексея Комарова. URL: <https://ilibrary.ru/text/61/index.html> (дата обращения: 25.10.2023).
3. Крестовский В. В. Петербургские трущобы. М., 2022. 1312 с.
4. Максимов С. В. Сибирь и каторга : в 3 ч. СПб., 1871.
5. Серошевский В. Ссылка и каторга в Сибири // Сибирь: ее современное состояние и ее нужды : сб. ст. / под ред. И. С. Мельника ; изд. А. Ф. Девриена. СПб., 1908. С. 201–233.
6. Таганцев Н. С. Русское уголовное право : лекции. Часть общая : в 2 т. М., 1994. 773 с.
7. Дриль Д. А. Ссылка и каторга в России: из личных наблюдений во время поездки в Приамурский край и Сибирь. СПб., 1898. 50 с.
8. Петражицкий Л. И. Ссылка преступников с точки зрения культуры, колонизационной и социальной политики // Право. Еженедельная юридическая газета. 1899. № 20 (16 мая). Стб. 1003–1006.
9. Соколовский Н. М. Острог и жизнь (из записок следователя). СПб., 1866. 511 с.

---

¹ Запрещенная форма коммуникации представителей криминальной среды, отправленная с учетом конспирации в виде письменных сообщений, между современными «арестантами».

10. Фойницкий И. Я. Управление ссылки // Сборник юридических статей. СПб., 1900. Т. 2. С. 448–540.
11. Дриль Д. А. Ссылка во Франции и России. СПб., 1899. 188 с.
12. Антонян Ю. М. Криминология : избранные лекции. М., 2004. 474 с.
13. Долгова А. И. Преступность, ее организованность и криминальное общество. М., 2003. 572 с.
14. Гуров А. И. Профессиональная преступность. Прошлое и современность. М., 1990. 301 с.
15. Долгова А. И. Криминологические оценки организованной преступности и коррупции, правовые баталии и национальная безопасность. М., 2011. 668 с.
16. Лунеев В. В. Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции. М., 2021. 912 с.

References

1. Yadrintsev, N. M. 1872, *The Russian community in prison and exile*, St. Petersburg.
2. Dostoevsky, F. M. n.d., 'Notes from the Dead house', *Alexey Komarov's online Library*, viewed 25 October 2023, <https://ilibrary.ru/text/61/index.html>.
3. Krestovsky, V. V. 2022, *Petersburg slums*, Moscow.
4. Maximov, S. V. 1871, *Siberia and penal servitude*, in 2 vols, St. Petersburg.
5. Seroshevsky, V. 1908, 'Exile and hard labor in Siberia', in I. S. Melnik & A. F. Devrien (eds), *Siberia: its current state and its needs: collection of articles*, pp. 201–233, St. Petersburg.
6. Tagantsev, N. S. 1994, Russian criminal law: lectures, General part, in 2 vols, Moscow.
7. Drill, D. A. 1898, *Exile and hard labor in Russia: from personal observations during a trip to the Amur Region and Siberia*, St. Petersburg.
8. Petrazhitsky, L. I. 1899, 'Exile of criminals from the point of view of culture, colonization and social policy', *Right. A weekly legal newspaper*, iss. 20 (May 16), stb. 1003–1006.
9. Sokolovsky, N. M. 1866, *Ostrog and life (from the notes of the investigator)*, St. Petersburg.
10. Foynitsky, I. Ya. 1900, 'Management links', in *Collection of legal articles*, vol. 2, pp. 448–540, St. Petersburg.
11. Drill, D. A. 1899, *Exile in France and Russia*, St. Petersburg.
12. Antonyan, Yu. M. 2004, *Criminology: selected lectures*, Moscow.
13. Dolgova, A. I. 2003, *Crime, its organization and criminal society*, Moscow.
14. Gurov, A. I. 1990, *Professional crime. The past and the present*, Moscow.
15. Dolgova, A. I. 2011, *Criminological assessments of organized crime and corruption, legal battles and national security*, Moscow.
16. Luneev, V. V. 2021, *Crime of the XX century: global, regional and Russian trends*, Moscow.

Информация об авторе

Ю. В. Хармаев – кандидат юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник (ФКУ НИИ ФСИН России), доцент кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права (Университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)).

Information about the author

Yu. V. Kharmaev – PhD (Law), Associate Professor, leading researcher (Federal State Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia), Associate Professor of the Department of Criminology and Penal Law (Kutafin Moscow Law University (MSAL)).

ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

Статья поступила в редакцию 15.10.2024; одобрена после рецензирования 05.11.2024; принята к публикации 13.11.2024.

The article was submitted 15.10.2024; approved after reviewing 05.11.2024; accepted for publication 13.11.2024.